

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

КНИГА XII.

МОСКВА.

—
1889.

Очеркъ развитія поземельныхъ отношеній бывшихъ государственныхъ крестьянъ *).

VIII.

Изъ всѣхъ разрядовъ крестьянъ, на которыхъ, вслѣдствіе особенныхъ, исторически-сложившихся условій экономической жизни, положеніе 1866 г. было распространено особыми узаконеніями и относительно которыхъ было установлено теченіе 20-ти лѣтняго срока для переобработки со дня изданія этихъ особыхъ законовъ, едва ли не наибольшій интересъ представляетъ законъ $\frac{4}{16}$ іюня 1871 г. объ устройствѣ иностранныхъ поселенцевъ или колонистовъ. Эти колонисты, переименованные теперь въ *поселянъ-собственникововъ*, составляютъ потомковъ тѣхъ выходцевъ изъ Германіи, которые были водворены на казенныхъ земляхъ въ губерніяхъ: С.-Петербургской, Новгородской, Самарской, Саратовской, Воронежской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Херсонской, Таврической и Бессарабской.

Въ отношеніи отвода надѣловъ и исчисления оброчной подати на поселянъ-собственникововъ этихъ губерцій, за исключеніемъ менопитовъ, были распространены общія постановленія о бывшихъ государственныхъ крестьянахъ. Размѣръ оброчной подати по селеніямъ, вносимой во владѣнныя записи, опредѣлялся по оцѣнкѣ земель, если таковая была произведена въ данномъ селеніи; въ тѣхъ же селеніяхъ, гдѣ не было произведено оцѣнки земли, оброчная подать опредѣлялась путемъ умноженія общаго количества удобной въ тѣхъ селеніяхъ земли на среднюю оброчную подать съ десятины удобной земли въ смежныхъ или ближайшихъ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ.

Въ названныхъ выше 8 губерніяхъ къ концу 1872 г. владѣнныя записи были составлены почти по всѣмъ селеніямъ колонистовъ.

Всѣхъ селеній бывшихъ колонистовъ въ этихъ губерніяхъ числилось

358 съ населеніемъ въ 181,736 душъ и съ надѣломъ въ 1.808,398 $\frac{1}{2}$ дес. удобной земли и 333,397 дес. неудобной земли, обложенной по владѣннымъ записямъ оброчною податью въ 775,740 р. Средній размѣръ душеваго надѣла въ общей сложности составляетъ 10 дес., подымаясь, въ частности, въ Самарской губерніи до 12 $\frac{3}{4}$ дес. и спускаясь въ Воронежской и С.-Петербургской губ. до 4 $\frac{1}{2}$ и 4 $\frac{1}{4}$ дес., а въ остальныхъ губерніяхъ отъ 7 до 8 дес., и превышая, вообще, надѣлъ государственныхъ крестьянъ, за исключеніемъ Воронежской губерніи. Средній окладъ оброчной подати у бывшихъ колонистовъ составлялъ на душу: отъ 2 р. 59 к. въ Екатеринославской губерніи до 6 р. 89 к. въ С.-Петербургской и около 3 и 4 р. въ остальныхъ губерніяхъ, т.-е. ниже душеваго оклада оброчной подати государственныхъ крестьянъ въ Екатеринославской и Новгородской губерніяхъ, гораздо выше его въ С.-Петербургской губерніи и близко къ нему въ остальныхъ губерніяхъ; а на десятину надѣла отъ 33 к. до 39 коп. въ губерніяхъ Екатеринославской, Новгородской, Самарской и Херсонской, до 60—67 коп. въ Саратовской и Воронежской губерніяхъ и до 1 р. 61 к. въ С.-Петербургской губ., т.-е. почти вездѣ нѣсколько ниже противъ оклада оброчной подати у государственныхъ крестьянъ.

Что касается менонитовъ и нѣкоторыхъ другихъ нѣмецкихъ колонистовъ, то они представляютъ весьма любопытное исключеніе изъ общаго положенія какъ по поземельному устройству, такъ и по размѣру оброчной подати.

Дѣло въ томъ, что, на основаніи положенія 24 ноября 1866 г. и правилъ 1867 г., во владѣнныхъ записяхъ земельный надѣлъ долженъ былъ быть внесенъ или какъ общинное владѣніе цѣлаго селенія, или какъ подворное владѣніе отдѣльныхъ домохозяевъ, смотря по тому, какая форма землевладѣнія существовала при составленіи и выдачѣ владѣнной записи. Между тѣмъ, при водвореніи менонитовъ въ Новороссійскомъ краѣ земля была отведена по расчету 60 десятинъ на каждое наличное семейство прибывшихъ въ Россію, но въ призывной грамотѣ было сказано, что земля эта отводится во владѣніе цѣлаго общества и не можетъ быть отчуждаема. Дѣлая такое условіе, правительство, очевидно, желало какъ бы водворить порядки владѣнія землею, однородные съ тѣми, какіе господствовали въ то время у государственныхъ крестьянъ. Но менониты, весьма естественно, съ водвореніемъ въ Россію перенесли въ свои колоніи и тотъ способъ пользованія землею, къ которому они привыкли на родинѣ.

Изъ полученной отъ правительства въ надѣлъ земли они часть обратили подъ усадьбы и пашни. Эта часть была, по числу наличныхъ семействъ, раздѣлена на участки, которые, по господствующему у нихъ обычаю, стали переходить по наслѣдству къ младшему сыну. Другая часть была обращена подъ пастбища и луга и была оставлена въ общемъ пользованіи.

Что касается старшихъ братьевъ, которые, отдѣлившись отъ семьи и сядясь на собственное хозяйство, не имѣли права на выдѣлъ какой-либо

доли отцовскаго участка, то имъ общество обыкновенно отводило при селеніяхъ по клочку земли съ правомъ пасти свой скотъ на общемъ выгонѣ. Отсюда среди менонитовъ образовалось два разряда домохозяевъ: крупныя (Grosswirthe) и мелкіе (Kleinwirte). Одни владѣли наследственными участками по 35 десятинъ, другіе—имѣли только усадьбы и огороды, но были, тѣмъ не менѣе, равноправными съ крупными домохозяевами членами общества и пользовались вмѣстѣ съ ними общимъ выгономъ. При этомъ относительно крупныхъ домохозяевъ необходимо замѣтить, что ихъ 35-ти десятинные участки оставались неизмѣнными по размѣру, но не сохраняли постоянно однѣхъ и тѣхъ же границъ. При господствѣ залежнаго хозяйства въ мѣстности, пахотныя земли періодически запускались по нѣскольکو лѣтъ подъ выгонъ, а взамѣнъ этого производился отводъ соответственныхъ полосъ изъ выгонныхъ земель. Такимъ образомъ, по своему существу, форма землевладѣнія у менонитовъ, представляя своеобразное личное наследственное пользованіе при общинномъ владѣніи, не подходила ни подъ понятіе общиннаго великороссійскаго владѣнія, ни подъ понятіе подворнаго. Между тѣмъ, по буквальному требованію закона, при выдачѣ владѣнныхъ записей, менониты должны были окончательно опредѣлить, существуетъ ли у нихъ общинное, или подворное владѣніе, чтобы сообразно съ этимъ была выдана имъ владѣнная запись на каждое селеніе, съ предоставленіемъ внутренняго распредѣленія и передѣла земель усмотрѣнію общества, или большинству двухъ третей голосовъ, или же къ владѣнной записи долженъ былъ быть приложенъ подворный списокъ домохозяевъ, съ указаніемъ пространства надѣла и размѣра оброчной подати для каждаго домохозяина, получившаго участокъ въ наследственное пользованіе.

«Этотъ-то выборъ,—говоритъ г. П. Ш.,—при указаніи существующей и подлежащей юридическому, формальному закрѣпленію формы владѣнія, затруднилъ менонитовъ. Смѣшанную форму «личнаго пользованія при общинномъ владѣніи» примѣнить практически къ условіямъ, опредѣленнымъ для выдачи владѣнныхъ записей, было невозможно, ибо тутъ соединялись два понятія, практически другъ друга исключавшія. Избравъ форму *общиннаго владѣнія*, менониты опасались, что, современемъ, если не немедленно послѣ выдачи владѣнныхъ записей, клейнвирты, составивъ большинство въ томъ или другомъ селеніи, потребуютъ общаго передѣла земель между всѣми членами общества по количеству душъ въ каждомъ семействѣ, раздробятъ существующіе издавна 35-ти десятинные понаследственные участки, разорятъ гроссвиртовъ и, уничтоживъ единицы хозяйства, служащія основаніемъ системы земледѣлія, доведшей колоніи до замѣчательнаго благосостоянія, доведутъ колоніи, частными передѣлами земель, до полнаго хозяйственнаго разстройства. Съ другой стороны, избравъ *подворное* владѣніе и признавъ участки и усадьбы личною, наследственною собственностью ихъ владѣльцевъ, менониты опасались, что нѣкоторые члены общества, въ особенности клейнвирты, продадутъ свои участки или однѣ усадьбы въ колоніяхъ, людямъ постороннимъ, водвореніе коихъ въ средѣ менонитовъ нарушить

ихъ корпоративный духъ, чистоту правовъ и благочиніе въ селеніяхъ, коль скоро жиды разведутъ у нихъ въ колоніяхъ кабаки и шинки. Въ концѣ-концовъ, менониты остановились на томъ мнѣніи, что, при выдачѣ владѣнныхъ записей, лучше всего строго придерживаться дѣйствительнаго способа владѣнія въ натурѣ, т.-е. заявить въ записи, что изъ общаго пространства надѣла каждаго селенія такое-то количество находится въ наслѣдственномъ подворномъ владѣніи столькихъ-то домохозяевъ (приложивъ имъ списокъ, съ опредѣленіемъ надѣла каждаго), а остальное количество, составляя общественный выгонъ, находится въ общемъ пользованіи всѣхъ членовъ общества, причемъ порядокъ и условія пользованія выгономъ опредѣляются сельскимъ сходомъ всѣхъ домохозяевъ (т.-е. не исключая и клейнвиртовъ). Такимъ образомъ устранится возможность вредной ломки въ существующей системѣ хозяйства. Что же касается водворенія въ селеніяхъ шинкарей-жидовъ, то общество можетъ этому воспрепятствовать въ силу закона, воспреещающаго открытіе въ селеніяхъ питейныхъ заведеній, даже на собственной землѣ, безъ согласія общества; а безъ правъ открытія шинковъ жиды усадебъ не купятъ. Если же крупные участки въ колоніяхъ были бы куплены русскими, то особой бѣды отъ того не было бы, причемъ, если менониты дорожили бы корпоративнымъ духомъ и не желали бы допустить водвореніе въ своей средѣ того или другаго лица, то имъ стоило только дать продавцу высшую противъ посторонняго покупщика цѣну. Выдача на этомъ основаніи владѣнныхъ записей обошлась, впоследствии, безъ всякихъ затрудненій и другихъ для менонитовъ послѣдствій» *).

При установленіи размѣра оброчной подати для менонитовъ тоже встрѣтилось затрудненіе. Когда въ прошломъ столѣтіи правительство приглашало менонитовъ для поселенія въ Новороссійскомъ краѣ, то въ призывной грамотѣ объявило, что имъ будутъ отведены земли въ размѣрѣ 60 или 65 десятинъ на семейство въ общественную собственность, съ неизмѣнною на вѣчныя времена платою по 15 коп. съ десятины. Въ виду такого обѣщанія, не сдѣланнаго въ призывныхъ грамотахъ другимъ колонистамъ, для менонитовъ Хортицкой и Мариупольской волостей, Екатеринославской губерніи, и Малышинской, Самарской губерніи, закономъ 1871 г. и была установлена оброчная подать по 15 коп. съ десят., считая, впрочемъ, зотъ окладъ на серебро. Сюда, однако, не вошли дополнительно-отведенныя въ 1869 г. молочанскимъ менонитамъ земли солевознаго тракта, принятыя ими съ обязательствомъ уплаты оброчной подати на общемъ основаніи.

Еще меньшею оброчною податью, въ силу высочайшаго указа 7 іюня 1785 г., были обложены сарептскіе колонисты (евангелическіе братья колоніи Сарепты), а именно по $7\frac{1}{4}$ к. съ десятины.

Правлами 18 марта 1875 г. греки и армяне, водворенные въ Мариупольскомъ уѣздѣ, также были причислены къ разряду поселянъ-собствен-

*) Русская Рѣчь 1879 г., августъ, стр. 158—161.

никовъ, причѣмъ оброчная подать опредѣлена въ размѣрѣ прежняго платежа 5 к. съ десятины надѣла. Въ этомъ же размѣрѣ опредѣлена оброчная подать, по правиламъ 29 декабря 1881 г., съ поселянъ изъ бывшихъ волонтеровъ-грековъ, водворенныхъ въ поселкѣ Николаевскомъ, Мариупольскаго уѣзда. Срокъ переобработки для первой группы съ 18 марта 1896 г., а для грековъ-волонтеровъ—съ 29 декабря 1901 г.

При оцѣнкѣ всякой значительной экономической реформы, кромѣ ея основаній, весьма важный вопросъ состоитъ, такъ сказать, въ качественной сторонѣ исполненія. Самый хорошій законъ можетъ перѣдко дать плохіе результаты въ рукахъ недобросовѣстныхъ исполнителей. Исторія надѣленія землею бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ представляетъ не мало фактовъ, указывающихъ, что примѣненіе, напримѣръ, одинаковой пормы надѣловъ въ разныхъ помѣстьяхъ часто приводило далеко не къ одинаковымъ послѣдствіямъ для крестьянъ, смотря по тому, какого образа мыслей и нравственнаго склада былъ мировой посредникъ. Въ однихъ случаяхъ «удобная земля», которая отводилась крестьянамъ, была дѣйствительно удобная, въ другихъ же въ этотъ счетъ попадали и болота, бесплодные пустыри и т. п. Но если даже, при поземельномъ устройствѣ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, благодаря господствовавшему духу времени и прекрасному въ общемъ контингенту первыхъ мировыхъ посредниковъ, послѣдніе, въ большинствѣ случаевъ, старались отстаивать справедливые интересы крестьянъ, то при устройствѣ государственныхъ крестьянъ, гдѣ не было страдательной стороны, гдѣ отъ части своихъ правъ на землю должна была отказаться казна или правительство, которое само же предпринимало реформу, а priori можно уже предположить въ общемъ весьма благопріятныя для крестьянъ условія осуществленія реформы.

Само собою разумѣется, что при спѣшности работъ не обошлось безъ пропусковъ и ошибокъ, которые пришлось исправлять здѣсь вслѣдствіе заявленій крестьянъ при предъявленіи имъ владѣнныхъ записей, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда крестьяне не вполне сознавали всей важности своеговременнаго заявленія о разныхъ погрѣшностяхъ и пропускахъ во владѣнной записи, ошибки могли остаться неисправленными и породить впоследствии недоразумѣнія и потери для крестьянъ. Однако, подобные случаи вообще, по свидѣтельству компетентныхъ лицъ, были рѣдки. «Большинство дошедшихъ до насъ отзывовъ о характерѣ дѣятельности мѣстныхъ исполнителей,—говоритъ г. П. Ш. *),—было благопріятно. По крайней мѣрѣ, ни откуда не доходило до насъ свѣдѣній и слуховъ о злонамѣренномъ, пристрастномъ и въ особенности корыстномъ отступленіи со стороны производителей работъ отъ указанныхъ имъ правилъ и основаній для составленія владѣнныхъ записей. Равнымъ образомъ не было вообще пререканій у чиновниковъ министерства государственныхъ имуществъ ни съ мировыми посредниками, ни съ губернскимъ присутствіемъ, при участіи и подъ контролемъ коихъ они дѣйствовали».

*) Государственные крестьяне. Русская Рѣчь, августъ, стр. 138.

«Мы никогда не слышали,—говорить въ другомъ мѣстѣ г. П. Ш., оставиваясь на поземельномъ устройствѣ II группы губерній,—обвиненія чиновъ по составленію владѣнныхъ записей въ намѣренномъ злоупотребленіи и взяточничествѣ. Всѣ обвиненія сводятся къ недосмотру и небрежности нѣкоторыхъ исполнителей. Дѣйствовали они подъ контролемъ мировыхъ посредниковъ и губернскихъ присутствій, которымъ еще менѣе приходилось церемониться съ неважными чиновниками посторонняго вѣдомства, чѣмъ съ мѣстными вліятельными помѣщиками, съ которыми не всегда удобно ссориться. Крестьянамъ дано было широкое право обжалованія въ губернскія присутствія и потомъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ и государственныя имущества. Какъ же воспользовались они этимъ правомъ? Изъ числа 24,505 владѣнныхъ записей обжалованы крестьянами 1,420, т. е. менѣе 6%, и изъ этихъ жалобъ признаны губернскими присутствіями основательными только 105 жалобъ, 7% общаго числа обжалованныхъ записей и менѣе 1/2% общаго числа всѣхъ выданныхъ записей. Число же жалобъ на рѣшеніе губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій было совершенно ничтожно: въ 1874 г. ихъ рассмотрѣно министерствами внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имущества 31 жалоба, а въ 1875 г. 28, и изъ нихъ признаны основательными: въ 1874 г. двѣ, а въ 1875 г. восемь жалобъ» *).

Л. Ходскій.

*) П. Ш., стр. 146.